

ТАИНА

ИСПОЛИНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Так получилось, что имя Гаврилы Романовича Державина мы больше связываем с именем Пушкина: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...» На этом наши познания кончаются. А жаль! Державин был из тех поэтов, чье прикосновение превращало любой предмет в золото Поэзии. Его гениально отточенный и в то же время варварский слог вцепляется когтями в память, заставляет бесконечное число раз повторять неземные и жуткие строки:

**Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья;
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.**

А гениальные «обеденные стихи»:

**Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть...**

А отлитые в бронзу строки оды «Бог»:

**Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!**

14 июля исполнилось 250 лет со дня рождения русского гения. Мы долго думали, кому заказать бы статью, посвященную «татарскому Мурзе», как называл себя Гаврила Романович в оде к Фелице. И единодушно решили обратиться к известному российскому литературоведу и писателю, подвижнику русского Зарубежья **ОЛЕГУ НИКОЛАЕВИЧУ МИХАЙЛОВУ**. Во-первых, книга О. Михайлова «Державин», изданная в серии «Жизнь замечательных людей» в 1977 году, стала редкостью. Во-вторых, мы знали: Олег Михайлов, давний автор «КО», не откажет нам в этой просьбе; к тому же его любовь к Державину лишена всякого рода конъюнктуры, которую сейчас то и дело приходится нам наблюдать... А в-третьих, говорить с Михайловым о Державине — это значит говорить обо всем: о восемнадцатом веке, о тайнах, бедах и победах русской литературы, о судьбе России на перепутьях истории и современности, о пронзительности в изящной словесности... А какой читатель откажется от такого собеседника?

— Олег Николаевич, вряд ли мы кого-либо удивим нашим разговором о Державине. Те, кто его читал и знает, — так и будут продолжать читать и любить. А тех, кто не знает и не читал, наверное, не убедит и наш разговор взять томик стихов Гаврилы Романовича. Нужен ли сейчас Державин нашему, как теперь говорят, пост-совку?

— Вы правы, говоря о том, что кому-то Державин был нужен всегда, а кому-то (большая часть читателей!) представлялся каким-то странным раритетом, задвинутым на книжную полку — глубоко и далеко. Впрочем, совсем недавно была переиздана прекрасная работа В. Ходасевича о Державине. Ну, а что касается поэтов, то они Державина не просто читали, но питались им. Подобно тому, как Тютчев был разворован на цитаты, которые затем стали названиями книг, — Державин незаметно проник в корпус русской поэзии так глубоко, что его следы можно найти даже у Маяковского, в стихотворении «Юбилейное», например:

Бойтесь пушкинистов. Старомозглый

Плюшкин,

перышко держа, ползет

с перержавленным.

— Тоже, мол, у левов появился

Пушкин.

Вот арап! а состязается

с Державиным.

Державин — великий поэт, олицетворяющий собой весь екатерининский век, оставивший своим мраморным громом звучный след в словесности. Помните, в замечательном сочинении Рабле звуки битвы оттаивают в воздухе... Вот такие «оттаивающие звуки битвы» наполняют стихи Гаврилы Романовича, отражая то положение России, в котором она находилась, завершая выход и к южному морю, и к пределам иным, выполняя программу Петра Великого. Крупность таких фигур, как Петр Великий, Екатерина Великая, Потемкин, Суворов, Державин, делает

их уникальными явлениями восемнадцатого века...

— Пугачева вы в этот ряд не поставите?

— Пугачева в этот ряд поставить трудно: потрясти Россию он сумел. Может быть, то, как он это делал, сегодня и выглядит злободневным... И все-таки... Помните, Державин был послан с секретной инструкцией поймать Пугачева?

— И как он это делал, мы тоже помним.

— Да, в отличие от Суворова, отличавшегося большой гуманностью, Державин был человеком жестоким. Он жил в то время, когда, перефразировав слова Некрасова, «поэтом можешь ты не быть, но офицером быть обязан». Державин был прежде всего офицером: сначала солдатом Преображенского полка, сержантом, офицером... Как бы мы сейчас сказали, офицером НКВД или КГБ...

Что касается поэта Державина, то его последние стихи поражают! Те, что он писал на грифельной доске:

Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей.

А если что и остается

Чрез звуки лиры и трубы,

То вечности жерлом пожрется

И общей не уйдет судьбы!

Такого ужаса перед забвением в русской поэзии никогда не было. С другой стороны, существует Державин-озорник, Державин, писавший стихи о крестьянском празднике, о том, как надлежит пить, гулять:

Гуляйте, бороды с усами,

Купайтесь по-уши в чанах,

И вы, повойники с чепцами,

Не оставайтесь на дрожжах;

Но что кто хочет, то тяните,

Прокажьте, вздорьте, курамшите;

Тут нет вины, где пир горой;

Но, в дома вшед, питьем не лейтесь:

С женой муж яицами бейтесь,

Или скачите чехардой.

Такой вот диапазон! Здесь на память приходят слова Чехова о Тургеневе: мол, пропорции благородного металла со свинцом, который исчезнет, — довольно значительны. Он — удивительно — повторил один из отзывов Пушкина о Державине. Для любителей поэзии Державин был и остается как бы очищенным от всех его неуклюжостей, вне житейской грязи. Человек без образования, он сумел проломить своим гигантским талантом какую-то крепостную стену словесности — так, как Суворов при штурме проломил стены Измаила. Явление Державина замечательно еще и тем, что в его фигуре соединяются две крови — русская и отдаленная (слова Гоголя) татарская... Много лет назад, работая над книгой о поэте, я проходил в Казани по улицам, с сожалением вспоминая, что перед театром когда-то стоял памятник поэту. Для меня Казань — особенный город, поскольку мои предки связаны с ним и во мне тоже есть толика татарской крови. Впрочем, говорилось же: поскоблите русского человека — и вы найдете в нем татарина, не надо понимать это буквально. В этом нет ничего обидного и уничтожительного. Мы гигантская евроазиатская страна, и нам поэтому особенно необходима та центристремительная имперская идея, то государственное начало, которое олицетворял в лучших своих стихах Державин.

— Олег Николаевич, вашими устами уже говорит какой-нибудь митинговый державник-панславист, чуть ли не Эдичка Лимонов...

— Совсем нет... Державин выражал могучее начало, которое крепко держало Россию. Во что превратилась нынешняя наша страна? У нее отобрали все те необходимые территории, за которые боролись Петр, Екатерина, в завоевании которых участвовал и Державин... Представьте, сейчас у нас нет Прибалтики, нет Черного моря, фактически нет на юге Военно-

Морского флота. Неизвестно, что будет с Кенигсбергом: вдруг немцы устроят там какую-нибудь буферную республику?

— Памятник Пушкину работы Аникушина в Кенигсберге поставили с месяц назад...

— Я знаю об этом. Кстати, пора бы подумать о том, чтобы в Казани по существующим чертежам и фотографиям восстановить памятник Гавриле Романовичу. Его снесли, если мне не изменяет память, в 30-х годах. Не знаю, кому он мешал? Ведь в эти годы уже начинался по-

ворот к восстановлению государственных устоев России. Хотя это была пародия на старую Россию, но юбилей Пушкина отмечался в 1937-м так, как мог бы отмечаться при царях.

— Все-таки это было псевдовосстановление псевдорусской псевдосударственности — так, как ее понимал Отец народов.

— Безусловно! Сейчас в «Совершенно секретно» предложили мне написать врезку к публикациям документов о лимитах на расстрелы. Вот она — пугачевщина с образванной. А ведь здесь напрашиваются аналогии с традициями — например, елизаветинскими. Даже до Елизаветы Петровны уже были попытки как-то ослабить азиатскую зверскость.

— Кажется, Елизавета Петровна при восшествии на престол дала слово отменить смертную казнь, как, впрочем, и Екатерина.

— Немка Екатерина была распрерусской государыней, сумела понять, что такое Державин, несмотря на весь его вздорный характер, и поддержать его.

— Да, уж не Надежда Константиновна, составившая рекомендательный список книг для библиотек...

— Нет, не Надежда Константиновна! Впрочем, вся сатира, которую обрушивал Державин на вельмож, находила эквилибр в том, что возникал положительный феномен Екатерины Великой — той, что была описана Пушкиным в конце «Капитанской дочки».

— Разве вы не относите Пушкина к девятнадцатому веку?

— Возьмите Лермонтова. Хотя в истории нет сослагательного наклонения, представьте, что бы могло быть, если бы не было рокового выстрела, как могла бы развиваться проза и поэзия... Сравните «Героя нашего времени» с нагой пушкинской прозой — и вы увидите водораздел, гигантский хребет, одна сторона которого осталась там, а другая пошла из девятнадцатого века в двадцатый. Мне кажется, после Державина появилось три гениальные звезды — Пушкин, Гоголь, Лермонтов. Дальше все великие писатели были вершинами чуть-чуть иными по размеру.

— Ох, побьют вас толстовцы, Достоевцы...

— Конечно, конечно. Но подумайте, насколько мистичен Гоголь, какое в нем биение иных, непонятных нам миров, какое колдовское начало в нем самом и его сочинениях, некоторые из которых я просто боюсь перечитывать на ночь! И сравните с Достоевским. Пусть меня побьют, но замечу, что гениальный мыслитель Достоевский собрал в своих произведениях все запрещенные приемы литературы — все, какие только существуют! Стремясь вызвать жалость, он создает такие положения, когда человек вынужден до беспредельности унижаться: Его эффекты оглушительны, потому что он берет их на пределе: ведь искусство любит больше всего слабый раздражитель. Ну и, кроме того, Достоевский, по моему, единственный по-настоящему городской писатель. Он не знал ни деревьев, ни птиц и даже издевался над Тургеневым, у которого какой-нибудь там дрок растет... А как он писал! Стремительно, по газетному. Возьмите его фразу и фразу Толстого: две совершенно разные культуры, в самом деле, различная культура.

Повторяю, у Достоевского человек поставлен в такие положения, когда берется в предельном бессилии своем на излом. В конце концов, это уже не литература, а что-то другое. Это именно то, о чем мечтал Шаламов, которого раздражало, что Толстой перебрал несколько десятков вариантов цвета глаз Катюши Масловой... Словом, Достоевский проверил то, что уже случилось со всеми нами и то, из чего вышли Шаламов и Солженицын, например. А тот же Шаламов отказывает человеку в возможности выдержать испытание, его убеждение: любой человек может быть сломлен...

— Смотрите, как повернулся наш разговор о Державине: соединилось сразу три века российской истории, быта... Кстати, вы автор нескольких книг, посвященных титанам «осмнадцатого века» — Державину, Суворову, Ермолову... Будут ли они переизданы в ближайшее время?

— Московские книголюбы пытались издать мой трехтомник, но почему-то не хватило пороха. Пока все это в стадии мечтаний. Тем более, что автором за книги сейчас платят очень мало. Как заведующий сектором литературы русского Зарубежья в Институте мировой литературы, я с коллегами пытаюсь сейчас создать международный центр «Русское зарубежье», чтобы, помимо прочего, попытаться внести культурное начало и в издательскую вакансию, царящую у нас. Не секрет, что эмиграция сейчас у нас издается безобразно. Появилось огромное количество специалистов по этой теме. Где они были вчера и чем занимались?

— Ваши претензии к такого рода изданиям русского Зарубежья? Некомпетентность? Конъюнктура? Халтура? Желание заработать деньги?

— Тут есть все, о чем вы говорите. Главное для них — быстро снять сливки. А между тем, остается очень много русских писателей, о которых продолжают забывать. Скажем, атаман Краснов. Или замечательный исторический писатель Иван Лукаш...

— «КО» недавно опубликовало его рассказ...

— Это хорошо. Не доходят руки издателей до Поплавского, Смоленского. Это как бы фигуры второго ряда, но поэты превосходные. И вообще, все поколение Поплавского, названное «незамеченным поколением», таким остается и нынче. Культура уходит в катакомбы.

Уехавшие когда-то из России литераторы сейчас приезжают и пытаются нас поучать. Впрочем, оставаться здесь они не намереваются, за редким исключением, как это сделал Юрий Кублановский. Помните, Ахматова писала: «Я всегда была с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был...» Лучшие писатели, оставшиеся в метрополии, сохранили себя не меньше, чем те, кто уехал, унеся Россию с собою: Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Пришвин...

— Платонов...

— Платонов шел через страшные загромождения, путаясь, что-то теряя, что-то приобретая, — он никак не мог пробиться к небу и шел все время по дну котлована.

— Но Платонова и нельзя представить вблизи неба: его стихия — котлован.

— Его «Котлован» — пятое евангелие. Евангелие от дьявола, которое он создавал и которое создавало его самого. Символична трагическая и нелепая гибель Платонова: он заразился туберкулезом от сына, возвращенного, кстати, благодаря Шолохову, из лагерей...

— Олег Николаевич, судя по разбросанности нашей беседы, вся литература вышла не из «Шинели», а из «Фелицы» Державина, либо его же «Снигири». Удивительное явление нашей словесности!

— Державин не исчерпывается исследованием Ходасевича, не говоря уже о моем скромном романизированном изложении его биографии... Он остается планетой, у которой существует другая сторона, как невидимая сторона Луны. Величие его — и есть его загадочность, потому что великий человек всегда загадка. Великий приходит к нам, приносит с собою что-то принципиально новое, что не могло быть механически составлено или сделано до него. Тайна этого великана, исполина русской поэзии и нашей культуры будет освещать нам и нашим потомкам новые пути, прокладывая свои традиции в самых неожиданных областях литературы, которая, как и Россия, все-таки не погибнет!

Беседовали Александр ШУПЛОВ
и Денис ИЛЬИЧЕВ.